

відзначити, що найважливішим наслідком невдачі місії Капніста 1791 р. було те, що більша частина українських патріотів почала усвідомлювати істину, що справа визволення України і відродження української держави – це справа самих українців. Отже, це була ідея самостійності і незалежності української національно-визвольної боротьби. В цьому і був головний сенс акції Капніста та його однодумців 1791 р.

Українській шляхті, її еліті історична доля відвела функції охоронця і гаранта цілісності народу і ці функції вона успішно виконувала в Законодавчій комісії по створенню Нового уложення 1767-1774 рр.

Хоча до справи комісії в Гетьманщині поставились з недовірою, українське суспільство вирішило скористатись цією можливістю, щоб укотре заявити про свою “окремішність”.

В “Наказах” українських депутатів до Уложеної комісії 1767-1764 рр. поряд з відстоюванням вузько-станових інтересів чітко простежується інтегруюча думка про необхідність відновлення в усьому обсязі суспільно-політичних інститутів. Матеріали комісії, як джерело для вивчення суспільної свідомості, дають підстави констатувати, що етнічна самосвідомість реалізувалась через суспільно-політичні аспекти. Навіть рішення соціально-економічних проблем пов’язувалося з розв’язанням суспільно-політичних¹¹.

Накази українського суспільства, відзначені сильним струменем децентралізованого напрямку, являють собою ніби підготовлену відповідь на політику царювання Катерини II.

Отож, потужною силою, яка допомагала представникам козацько-старшинської еліти та шляхетства Гетьманщини боронити свої права, була національна самосвідомість, котра стала ключовим явищем національної історії державотворчих змагань, надихала і надихає українців у їх прагненнях створити свою власну національну державу.

¹Мельник Л.Г. Утвердження ідеї українського національного самовизначення. (кінець XVIII – поч. XX ст.). – К., 1992. – С.3; ²Когут Зенон. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини. 1760-1830. – К., 1996. – С.27; ³Там само. – С.64; ⁴Миллер Д. Очерки из истории юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII столетии // Сб. Харьк. историко-филолог. об-ва. – 1896. – Т.8. – С.235; ⁵Литвинова Т.Ф. Общественная мысль Украины второй половины XVIII – первой половины XIX веков : Григорий и Василий Полетики. – Днепропетровк, 1993. – С.177; ⁶Дівович С. Разговор Великороссии и Малороссии // Українська література XVIII ст. – К., 1983. – С.393, 401; ⁷Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII-XVIII століть: проблеми формування еволюції, реалізації. – К., 1997. – С.305; ⁸Цит.за: Полонська-Василенко Н. Історія України. – Т.2. – С.226; ⁹Історія Русів. – К., 1991. – С.59, 188; ¹⁰Смолій В.А., Степанков В.С. Цит. праця. – С.313; ¹¹Накази малоросійским депутатам 1767 г. и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. – К., 1889.

Непомнящий А. (Україна)

П. А. ФАЛЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КРЫМА

Крымский полуостров в силу своей этнической истории постоянно входил в сферу научных интересов европейской ориенталистики. Крымоведческие исследования занимают значительное место в научном исследовании таких выдающихся отечественных востоковедов-тюркологов: как И. Н. Березин, В. В. Григорьев, В. Д. Смирнов. Незаслуженно забытыми являются этнографические исследования народов Крыма безвременно скончавшегося ученого-тюрколога Павла Александровича Фалева (1888-1922).

П. А. Фалев родился в октябре 1888 г. в С.-Петербурге. После окончания 3 городского реального училища юноша стал студентом Восточного факультета С.-Петербургского университета по разряду арабо-персидско-турецко-татарской словесности. Непосредственными научными наставниками Павла Александровича в университете стали профессора Василий Дмитриевич Смирнов (1846-1922) – известный тюрколог, крупнейший специалист по истории Крымского ханства, и Александр Николаевич Самойлович (1880-1938). В 1912 г. П. А. Фалев

© Непомнящий А., 1999

окончил университет с дипломом I степени¹. Его выпускное сочинение “Ногайские сказания об Едигее и Тохтамыше” было удостоено золотой медали, а сам автор был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию². При обсуждении выпускного сочинения П.А. Фалева В. Д. Смирнов отметил, что “научная работоспособность г. Фалева дает основание предполагать, что из него со временем образуется специалист, могущий занять на факультете кафедру по моей специальности”³.

По традиции подготовки научных кадров того времени уже в марте следующего года П. А. Фалев на собственные средства отправился в научную командировку в крупнейшие европейские библиотеки: в Готу, Дрезден и Лейпциг для совершенствования своих знаний. В сохранившихся в рукописи “Отчете о занятиях в 1912/13 гг. оставленного при университете Павла Фалева”, он отмечал, что еще в “студенческие годы видел неполноту, а в иных случаях и прямо недостоверность существующих грамматик и других сочинений по языку тюркских народностей”. Поэтому молодой ученый “по оставлении при университете направил свои занятия в чисто-лингвистическую область, особенно в отношении османского языка старого времени⁴. В апреле 1914 г. П. А. Фалев выдержал экзамен на степень магистра турецко-татарской словесности. Ученый совет Восточного факультета принял решение командировать его в Турцию для сбора полевых лингвистических материалов. Однако начавшаяся Первая мировая война сорвала эти планы. Ученое путешествие в Турцию было заменено на поездку в Таврическую губернию и Ставропольский край, где он собирал предания крымских татар и ногайцев.

Занимаясь этнографическими исследованиями в Крыму, П. А. Фалев сразу же включился в работу наиболее авторитетного местного научного содружества – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). 3 сентября 1914 г. он становится действительным членом этой общественной организации. В 1914 г. исследователь проводил в Крыму наблюдения над новым османским языком среди проживавших здесь турок-османцев⁵. На страницах “Известий Таврической ученой архивной комиссии” (ИТУАК) было опубликовано его исследование “Арабская поэма в ногайском эпосе”⁶.

В июле 1915 г. П. А. Фалев был зачислен на должность приват-доцента Петроградского университета по кафедре османской словесности⁷. Примерно в это время молодой ученый начинает сотрудничать в научном союзе отечественных ориенталистов – Восточном отделении Русского археологического общества. 26 февраля 1915 г. на заседании отделения было заслушано его сообщение “О записях произведений народной словесности у ногайцев...”. В этом и других докладах, сделанных П. А. Фалевым в течение 1915-1916 гг. рассматривался народный эпос ставропольских ногайцев и крымских татар. Этнограф коснулся не только лингвистических особенностей ногайского эпоса и языкового варьирования, но и вопроса о названиях ногайских и крымско-татарских родовых делениях, личных имен.

Этим же годом датируется ценная работа П. А. Фалева, связанная с этнографией крымских татар: “Пословицы, поговорки и приметы крымских татар”⁸. Во время сбора фольклорных материалов, который петроградские ученые А. Н. Самойлович и П. А. Фалев проводили в Крыму, по заданию разных организаций в 1914-1915 гг.⁹, они познакомились с крымскотатарским просветителем, видным деятелем национального движения крымских татар Али Абдурейевичем Боданинским (1865(6)-1920). Этот бахчисарайский учитель передал им составленный в 1912 г. рукописный сборник, состоящий из 1521 пословицы. А. А. Боданинский не ограничился простым собиранием и переводом пословиц. В сборнике он представил сравнение крымско-татарских пословиц с русскими, хотя и не задавался мыслью определить общность или различие в их происхождении. Все собранные образцы фольклора А. А. Боданинский считал крымско-татарскими, что было не всегда верно.

Материалы, полученные от А. А. Боданинского, были дополнены этнографическими собраниями крымских этнографов-собрателей Эммануила Леонидовича Мартино и Османа Мурасова. Никто из них, к сожалению, не указал точно, где был собран этнографический материал. Все пословицы и приметы были обработаны А. Н. Самойловичем и П. А. Фалевым, материал был распределен по главам, а внутри глав в алфавитном порядке. Фалев предложил также анализ их лингвистических особенностей, который составил введение к сборнику. Здесь

ученый подробно охарактеризовал приемы сбора материала, рассказал о происходивших на крымско-татарских праздниках состязаниях пословицами, поставил перед исследователями ряд вопросов, которые возникают при изучении поговорок, в частности о соприкосновении между пословицами и песнями, истории отдельных пословиц и поговорок.

Анализируя данную работу П. А. Фалева известный советский востоковед Владимир Александрович Гордлевский (1876-1956), который сам много внимания уделял сбору полевого этнографического материала среди крымских татар¹⁰, отмечал, что “на всей работе [Фалева] лежит печать вдумчивости”¹¹. Подчеркивая значение данного издания для развития этнографии крымско-татарского народа, В. А. Гордлевский справедливо заметил, что в лице П. А. Фалева современная наука получила нового тюрколога “обнаружившего живой интерес и начитанность в памятниках литературы турецких племен”¹².

В 1915 г. П. А. Фалев сделал для Таврической ученой архивной комиссии перевод на русский язык записок Эвлии-челеби о путешествии в Крым¹³. Научное сотрудничество с ТУАК не прерывалось у исследователя и в дальнейшем. В 1918 г. он опубликовал в “Известиях” Комиссии статью “Из идеологии крымскотатарской интеллигенции”, посвященную проблемам национального движения в Крыму¹⁴.

В 1916 г. судьба перебросила ученого из Крыма на Кавказ. П. А. Фалев был командирован на Кавказский фронт для проведения работ по охране памятников древности. В Тифлисе он занимался обработкой восточных рукописей. В это время Павел Александрович также работал над составлением описи рукописей на турецком языке, поступивших с Кавказского фронта в Азиатский музей, штатным младшим ассистентом которого он состоял.

Ученый лояльно воспринял революционные преобразования. В письме к А. Н. Самойловичу (1917 г.) он высказал свою основную жизненную прерогативу, которой для него являлась научная деятельность по исследованию Отечества¹⁵. П. А. Фалев продолжал работать доцентом (с 1919 г. – профессором) по кафедре османской словесности Петроградского университета. Одновременно он преподавал на кафедре османского языка в Практической академии восточных языков (Петроград), а после слияния ее с Институтом народного хозяйства работал в последнем профессором.

В 1920 г. был открыт Центральный институт живых восточных языков, где Фалев преподавал киргизский язык. В 1918 г. было опубликовано исследование молодого тюрколога “Ногайская сказка об Ак-Кобоке’е”¹⁶, связанное с фольклором ногайцев Ставрополя и Северного Причерноморья, а также народным эпосом крымских татар.

Дальнейшая творческая деятельность ученого была связана с изучением Туркестана. В 1921 г. по заданию Центрального института живых восточных языков Павел Александрович был командирован туда в качестве руководителя экспедиции слушателей, направленных на учебную практику по изучению языков и быта местного населения. В это время в Ташкенте открылось первое высшее учебное заведение в Средней Азии – Туркестанский Восточный институт. П. А. Фалев сразу же откликнулся на предложение работать здесь. Он преподавал киргизский язык, вел учебные курсы по тюркской филологии. Кроме этого молодой этнограф руководил отделом научного библиографирования Туркестанской государственной публичной библиотеки, был избран действительным членом Туркестанского отдела русского географического общества¹⁷. Активно включившись в Ташкенте в научную деятельность в близких ему областях тюркологии, П. А. Фалев, со свойственной ему скромностью и бескорыстием, “остаётся по возможности незамеченным, в тени”¹⁸. За год работы в Туркестане Павел Александрович создал группу молодых тюркологов, которая активно начала разрабатывать малоисследованные проблемы истории и филологии. Не случайно по просьбе Совнаркома Туркестанской АССР П. А. Фалев решил навсегда остаться в Ташкенте.

В 1922 г. Фалев выехал в Петроград, чтобы перевести семью, личные вещи и урегулировать организационные вопросы. В пути он заразился сыпным тифом и умер 3 июля 1922 г. Его кончина стала серьезным ударом по отечественной тюркологии¹⁹. Ненаписанные книги, незаконченные исследования, незавершенная жизнь...

К сожалению, до сих пор не предпринята публикация полной библиографии трудов ученого. Наиболее полным списком его работ является перечень, подготовленный А.Э. Шмидтом¹⁹,

который состоит из 11 названий. Он далеко не полный, т. к. не включает крымоведческих публикаций П. А. Фалева. Есть неучтенные исследования и в списке Б. В. Лунина²⁰. После смерти ученого осталось большое количество рукописных трудов, которые были переданы востоковеду, академику Василию Владимировичу Бартольд (1869-1930). После знакомства с рукописным наследием Фалева В. В. Бартольд отмечал, что среди бумаг покойного немало интересных работ, посвященных, в том числе, турецкому, ногайскому и крымско-татарскому эпосу²¹. И хотя В. В. Бартольд выражал надежду, что труды молодого ученого увидят свет, его пожелания не сбылись и большая часть рукописей П. А. Фалева разбросанных по разным архивам до сих пор не систематизированы. Часть бумаг безвозвратно утрачены. Исключением стал опубликованный в 1925 г. в "Записках Коллегии востоковедов" "Староосманский перевод "Крымской поэмы". Эту работу П. А. Фалева сделал еще в 1913 г. во время в Герцегской библиотеке в Готе.

Этнографические изыскания П. А. Фалева, связанные с крымоведением, имеют большое значение для изучения народов полуострова, развития исторического краеведения Крыма в целом.

¹Лунин Б. В. Жизнь и труды востоковеда-тюрколога П. А. Фалева. (К 45-летию со дня смерти) // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1967. – № 9. – С. 43; ²Центральный государственный исторический архив города С.-Петербурга. Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1064 Э. – Л.1; ³Умняков И. Памяти проф. П. А. Фалева (1888-1922) // Восток. Студенческий журнал, издаваемый Туркестанским Восточным институтом. – Ташкент, 1923. – № 2(6). – С. 16; ⁴Центральный государственный исторический архив города С.-Петербурга. Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1064 Э. – Л.16; ⁵Умняков И. Указ. раб. – С. 18; ⁶Фалев П. А. Арабская поэма в ногайском эпосе // ИТУАК. – Симферополь, 1915. – № 52. – С. 196-212; ⁷Лунин Б. В. Указ. раб. – С. 44; ⁸Боданинский А. А., Мартино Э. Л., Мурасов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар / Под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева; предисл. П. А. Фалева // ИТУАК. – Симферополь, 1915. – № 52. – С.1-67; То же. Отдельно. – Симферополь, 1914. – 67 с.; ⁹А. Н. Самойлович занимался изучением этнографии крымских татар по заданию Русского музея имени императора Александра III; См. об этом: Непомнящий А. А. Русский музей и изучение этнографии народов Крыма в начале XX века // Етнічність в історії та культурі: матеріали і дослідження. – Одеса, 1998. – С. 43-46; ¹⁰Архив Российской Академии наук. Ф. 688. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 3-20; ¹¹Гордлевский В. Замечания на "Пословицы крымских татар", изданные П. А. Фалевым // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – Т. 25. 1917-1920. – Пг., 1921. – С. 89; ¹²Там же; ¹³Умняков И. Указ. раб. – С. 18; ¹⁴Фалев П. А. Из идеологии крымско-татарской интеллигенции // ИТУАК. – Симферополь, 1918. – № 54. – С. 279-288; ¹⁵Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук. (СПБФАРАН) Ф. 782. – Оп. 2. – Д. 44. – Л. 1-2; ¹⁶Фалев П. А. Ногайская сказка об Ак-Кобок'е // Сборник музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Российской Академии наук. – Пг., 1918. – Т. 5. – Вып. 1 – С. 189-196; ¹⁷Н. А. [Архангельский Н. П.] П. А. Фалев (Некролог) // Изв. Туркестанского отдела Русского географического об-ва. – Ташкент, 1922. – Т. 15. – С. 104; ¹⁸Шмидт А. Э. Проф. П. А. Фалев // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2 – С. 52; ¹⁹Гордлевский В. А. Памяти П. А. Фалева (1888-1922) // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 4. Этнография, история, востоковедение, рецензии. – М., 1968. – С. 415-416; ²⁰Шмидт А. Э. Указ. раб. – С. 53; ²¹СПБФАРАН. – Ф. – 68. – Оп. 1. – Д. 249.

Павлишин А. (Україна)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ XVIII - XIX ВЕКАХ

Нижнее Подунавье представляет собой регион, где начиная с каменного века проходят интенсивные миграционные процессы. Многие азиатские народы стремились проникнуть через эти земли на Балканский полуостров в Средиземноморский бассейн. Достигла берегов Дуная и

© Павлишин А., 1999